

О жизни всерьёз и с улыбкой

Н
а
т
а
л
ь
я

А
л
ф
ё
р
о
в
а

Пока липа цветёт

Наталья Алфёрова

О жизни всерьёз и с улыбкой. Пока липа цветёт

<https://litres.ru/74242919>

Аннотация

Здравствуй, мой дорогой и любимый читатель. В этом сборнике рассказы, которые были написаны в разные периоды моего творчества, о разных героях и с различным настроением, но объединяет их одно: все они продиктованы мне самой жизнью. Где-то слеза предательски подступит к глазам, а где-то улыбка сама появится на лице, в ком-то ты узнаешь себя, а в ком-то своих знакомых. Надеюсь, что эти рассказы не оставят тебя равнодушным и помогут хорошо провести время за чтением сборника.

Содержание

Истории одного общежития. Новый год	4
Как мы с мамочкой экзамен сдавали	19
Зачётный отпуск	22
Вдоль да по речке...	34
На приёме	43
Грымза	50
Колыбельная за стеной	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Истории одного общезития. Новый год

Суббота, 31 декабря, утро. По студенческим меркам — утро, фактически — двенадцать дня. Именно в это время Светка ввалилась в комнату, румяная, бодрая и весёлая, с кучей пакетов в руках.

— Рота, подъём! — завопила она от порога. Натка натянула на голову одеяло, Ирка повернулась на другой бок. — Эй, мы так не договаривались. Я тут на первой паре всех отмазываю, вроде как, на поезд не успеваем, по магазинам хожу, а вы дрыхнуть? Подъём!

Подруги, отчаянно зевая сели, опустив ноги на пол. Они уже жалели, что согласились на Светкину авантюру, не разъехались по домам, а остались встречать Новый год в общезитии.

Светка, успевшая скинуть пуховик и разуться, с размаху плюхнулась на свою койку. Зашелестели подвешенные на стенах гирлянды и бумажные снежинки. Снесённый воздушной волной таракан, вялый после очередной потравки, свалился с потолка прямо на грудь девушке. Обладательница пышного бюста хладнокровно накрыла насекомое рукой и уверенно произнесла:

— Самец. Знает, куда падать. Назову Стасиком. — Светка

взяла таракана двумя пальцами, шустро поднялась и направилась к Ирке. — Знакомься, Стасик, с девчонками, вместе жить будем.

Ирка взвизгнула. Натка возмутилась:

— Немедленно убери эту гадость.

Светка пожала плечами, открыла окно и запустила насекомое в свободный полёт со словами:

— Стасик, ничего личного, подруги важнее, — и без перехода начала рассказывать: — Ходила допуск подписать в администрацию, а там ректор на нашего декана наезжает, мол, нужно с проверкой по общагам пройти. Олежек попытался рогом упереться, бормотал про праздник. И тут ректор такую речь завернул про моральный облик российского студента, мы с секретаршей аж прибалдели. Олежек, по ходу, тоже. Так что, спиртное прячем в шкаф за бельё. В трусах с лифчиками точно рыться не будут. Комендант, может, и рискнул бы, но не при декане, точно.

С начала рассказа подруги Натка словно впала в прострацию и сидела с мечтательно-отрешённым лицом. Олежек, Корнилов Олег Иванович, декан их факультета являлся тайной симпатией Натки. Невысокий темноволосый кареглазый мужчина с удивительно подвижным лицом мог показаться обыкновенным, даже заурядным, если бы не бездна обаяния вкупе с эрудицией. Его лекции слушали, затаив дыхание, порой, забывая конспектировать, что уж говорить о практических занятиях. Девичья половина курса влюбилась поголов-

но, но со временем выяснилось, что тридцатичетырёхлетний декан, хоть и разведён, со студентками не встречается принципиально, авансов никому не даёт. Влюблённость прошла у всех, кроме Натки. Хотя Корнилов отличницу Натку всё же выделял. Когда «плавала» вся группа, обращался к ней как к последней инстанции. Студентка всегда отвечала. Но как-то раз начала путаться в ответе и она. Декан принялся подсказывать, увлёкся и рассказывал всё занятие, забыв про опрос. В конце поставил Натке «отлично» и вышел под ошеломлённое молчание группы.

— Он, что, на тебя запал? — спросила тогда Светка. Ах, как бы Натке этого хотелось, но девушка понимала несбыточность своей мечты. И одобряющие восхищённые взгляды декана во время её ответов на занятиях и выступлениях на научных студенческих конференциях всего лишь гордость учителя за ученика. Убедить в этом подруг у Натки не получилось. На днях Светка категорично заявила:

— Вот сто процентов запал на тебя Олежек! Когда в аудиторию входит, первым делом тебя взглядом ищет. Найдёт — сразу улыбка до ушей. А помнишь, ты его лекцию пропустила, зуб лечила? Так он всех старост заставил отчитаться: кого нет и по какой причине. Что-то ни до, ни после его отсутствующие особо не интересовали...

Щелчки пальцев перед лицом вырвали из приятных воспоминаний. Ирка таким образом приводила подругу в чувства. Светка уже шустро перекладывала из холодильника в

шкаф бутылки шампанского и водки.

— Откуда столько? Мы же меньше покупали? — удивилась Ирка.

— Мальчишки из четырёхста второй на сохранение дали, чтоб до Нового года не выхлебать. Кстати, они нас на пельмени пригласили. На них продукты, на нас тесто и лепка.

Натка встала с кровати, потянулась и сказала:

— Пойду в душ схожу.

— Обломись, подружка, душ на два дня закрыли, — сообщила Светка.

— И мужской закрыли? — Натка прикидывала вариант: она моется, кто-то из подруг караулит вход.

— И мужской, — кивнула Светка. — Нужно было вчера с нами пойти, а не зависать с учебником.

Ирка вмешалась, ей стало жаль подругу.

— Да, ладно, тазики в умывалке возьмём, ведро горячей воды наберём, в комнате помоешься. Мы к мальчишкам пораньше уйдём, мешать не будем.

Девушки вышли в коридор. Их комната под номером 425 располагалась очень удобно — рядом с бытовкой и недалеко от умывалки и туалетов. Светка с гордостью глянула на разрисованную к празднику стену, в общаге проводился конкурс между этажами на лучшее оформление к Новому году.

— Первое место наше, — уверенно заявила она.

Ирка с Наткой переглянулись и синхронно вздохнули. Нет, нарисованные Иркой мишки, зайчики, снеговички,

ёлочки выглядели вполне мимимишно. Светке, выпускнице художественной школы доверили рисовать деда Мороза и Снегурочку. Она подошла к вопросу творчески. В итоге грудастая Снегурочка красовалась в мини, а похотливо улыбающийся дед Мороз сжимал посох, набалдашник которого подозрительно напоминал мужское достоинство. Поскольку разогнавшуюся Светку остановить было практически невозможно, дверь их комнаты тоже оказалась украшена рисунком. Череп с двумя скрещенными под ним молниями и надписью ниже: «Не влезай, убьёт». На дружный вопль подруг: «А причём тут Новый год?!» Светка подумала и приляпала на лоб черепа снежинку.

После того, как к помывке всё было готово, Светка с Ирой отправились в четыреста вторую. Натка закрыла дверь на крючок и достала шампунь и гель для душа. В дверь постучали.

— Скалку забыли, не бутылкой же катать, — пояснила Светка.

Следующий стук раздался, когда Натка уже разделась. Она накинула халатик и открыла.

— Не злись, доска же разделочная тоже нужна, — Светка порылась в шкафу и достала доску. — Всё, ухожу, ухожу.

Натка снова закрылась. Она успела ополоснуться и намылиться, когда снова раздался стук в дверь. Злая Натка как была, прошлёпала открывать. Она откинула крючок и рывком открыла дверь со словами:

— Что ещё забыли?

За порогом стоял Корнилов. Обнажённая девушка в мыльной пене и мужчина в костюме замерли с одинаково ошалевшим видом. От неожиданности Натка не завизжала, не сделала попытки прикрыться, а зачем-то сказала:

— Здравствуйте, Олег Иванович.

И только потом сообразила захлопнуть дверь. Трясущимися руками Натка накинула крючок и прижалась к косяку пылающей щекой.

Из коридора донёсся громкий голос декана:

— Всё, проверка закончена! — Ему кто-то, кажется комендант, попытался возразить, на что получил злое: — Я сказал всё, быстро развернулись и на выход!

До Натки дошло, это комиссия проверяла общагу. Видимо, не все вместе ходили, а по одному на комнату, и именно ей «повезло» с деканом. С огромным усилием Натка подавила начинающуюся истерику и пошла домываться.

— Никому не открою, пусть хоть дверь выламывают, — бормотала она, ожесточённо вспенивая шампунь.

Светка с Иркой появились, когда Натка уже вымылась, вылила воду, подтёрла пол и, забравшись с ногами на постель, сушила волосы феном.

— Давай, досушивайся, мы первую порциюпельменей уже запустили, будем старый год провожать, мальчишки ждут, — сказала Ирка.

Светка возилась у шкафа — складывала бутылки в пакет.

— Думаю, столько хватит, — задумчиво протянула она.

— Главное, на коменданта не напороться, — оценила взглядом пакет Ирка.

— А, ты ж не знаешь, — Светка повернулась к Натке. — Нашего декана как муха какая-то укусила. Нёсся по коридору, комендант и завхозиха за ним еле успевали, и кричал. Прикинь, Олежек и кричал. Типа: студенты тоже люди. Взрослые. Совершеннолетние. Имеют право на личную жизнь, в которую не фиг лезть со всякими проверками. Он, конечно, культурнее выражался, но суть та же. Странно, что это с ним?

Наткина рука с феном дрогнула, но всего на мгновение.

— А кому понравится дополнительная работа в праздник? Вот и злой, — ответила она. Рассказывать о случившемся Натка не собиралась.

Старый год проводили весело, от души поели пельменей, показавшихся удивительно вкусными. Затем всей компанией отправились лепить снеговика. Три снежных шара скатали и собрали быстро, а вот дальше дело застопорилось. Парни утверждали, что это снежная баба и намеревались приделать «грудь», Светка вопила: «Это мальчик!» Спор решила Ирка, изъяв приготовленные для «груди» снежки, со словами «Оставьте в покое чебурашку», прилепила их вместо ушей.

На шею чебурашечному снеговiku повязали старый шарф и отправились ещё раз поесть пельмени, здраво рассудив,

что ночью закусить можно и мандаринкой. По пути заглянули в девичью комнату, парни забрали свои запасы. После ещё одних проводов Старого года, девушки направились к себе, отдохнуть перед Новогодним вечером, оставив друзей праздновать дальше.

Две комнаты крепко сдружились ещё на первом курсе. Ничто так не сближает, как уборка территории — наказание за нарушение правил проживания в общежитии. Четыреста вторую поймали на пьянке, четыреста двадцать пятая пострадала за музыку после одиннадцати вечера. Парочек между обитателями этих комнат почему-то не сложилось. А вот помощь друг другу по хозяйству оказалась делом выгодным. Замечательно же, когда, например, помогают прибить полочку или зашивают рубашку просто так, без намёков на какие-то отношения.

Была и своя ложка дёгтя. Парни с занудством старших братьев, отшивали всех желающих встречаться с подругами. На общежитских дискотеках, проводимых по субботам, доходило до драк. Сначала подруги жутко злились, особенно Светка, но вскоре сообразили, что так действительно спокойнее, а жизнь пределами общежития не ограничивается.

С карнавальными костюмами не получилось. Зимняя сессия оказалась сложной, всю предновогоднюю неделю второй курс сдавал зачёты. Девушки решили обойтись мишурой на платьях и полумасками. На ноги Натка со Светкой обули балетки, Ирка — туфли на высоченных каблуках.

— Позже переобуюсь, — ответила на недоумевающие взгляды.

Когда вышли из комнаты, Натка и Светка направились к лестнице, Ирка, цокая каблуками — на мужскую половину.

— Ты куда, по этой лестнице ближе, — окликнула Натка.

— Мы же обещали за мальчишками зайти, — удивилась Ирка.

— Пусть в комнате мирно пьют. Что, забыла уже позапрошлую дискотеку? — спросила Светка. Ирка развернулась и быстро процокала к лестнице. — Ага, не забыла.

— Обидятся, — засомневалась Ирка.

— Не вспомнят, — отрезала Светка. — Без них хоть оторвёмся.

В танцзале громко играла музыка. В центре стояла украшенная ёлка. На небольшой сцене зажигали Снегурочка и качок в кожаных брюках, кожаной жилетке на голое тело и в мотоциклетном шлеме с затемнённым стеклом. На шлеме надпись: «Дед Мороз», видимо, чтобы было понятно, кого качок изображает.

— Это кто ж у нас такой мачо? — поинтересовалась у окружающих Светка. Все только пожимали плечами. Но скоро стало не до расспросов, Зазвучал медленный танец и девушек тут же пригласили. Натку и Светку свои общежитские, а Ирку незнакомый блондин, скорее всего, чей-то гость. После первого танца блондин Ирку не отпустил. Смотрелись они вместе замечательно: стройный светловолосый красавец

и смуглая цыганистая девушка с копной чёрных волнистых волос. Им Дед Мороз присвоил звание лучшей Новогодней пары, вручил по хлопушке и объявил:

— А теперь лучшая пара подкрепит своё звание поцелуем.

Блондин с Иркой ломаться не стали и поцеловались. Да так, что весь зал дружно зааплодировал. После чего парочка из танцзала смылась. Натка забеспокоилась, но Светка быстро её урезонила:

— Ирка девочка взрослая, сама разберётся.

Незадолго до полуночи Светка вспомнила, что они собирались встретить Новый год в комнате. Она буквально вырвала Натку из рук Деда Мороза, жарко обещавшего девушке с последним ударом курантов снять шлем и вообще всё, что она захочет.

— Охладись дедуля, — похлопала Светка по накаченному бицепсу. — Натка не по этой части. И вообще, нам пора. Мы, типа Золушки.

Дед Мороз засмеялся и потребовал туфельку. Светка, тащившая Натку к выходу, не поворачиваясь, продемонстрировала средний палец. В коридоре с облегчением сняли маски.

— Прикинь, как Деду Морозу в шлеме и коже, — фыркнула Светка. — Не поняла, кто это?

Натка отрицательно помотала головой.

В комнате обнаружилась Ирка. Она сидела в обнимку с открытой бутылкой шампанского, водрузив ноги в туфлях на

койку, и хлюпала носом. Подруги всполошились.

— Кто обидел? Этот козёл блондинистый? Так мы ему быстро рога пообломаем! — Светка воинственно упёрла руки в боки.

— Он не козёл, — всхлипнула Ирка и принялась рассказывать, спутано, запинаясь. — Он меня к другу в комнату пригласил. Друг немного на гитаре побренчал и ушёл. Мы целовались. Он так целуется! Когда платье стал расстёгивать, я испугалась... А он понял. Спрашивает: у тебя ещё никого не было? Призналась — не было. Он отпустил, на стул ко мне спиной сел, у самого руки подрагивают, говорит: уходи. Я замешкалась. А он как рывкнет: уходи быстро, я не железный. Как к себе добежала, не помню!

Светка спросила:

— А ревёшь почему, ничего ведь не было?

Ирка взвыла:

— Сама же говорила, что после двадцати не жить половой жизнью вредно для здоровья. Забыли, я вас на год старше, мне уже двадцать!

— И что? — не поняла Натка.

— Мне двадцать, а я ещё девственница!

Светка отобрала у подруги бутылку, со словами:

— Так, девственницам больше не наливать.

Затем включила телевизор, достала три чайных чашки, заменитель фужеров, и налила себе шампанское.

Натка с забывшей о слезах Иркой посмотрели сначала в

свои пустые чашки, затем в Светкину полную.

Два вопроса прозвучали одновременно:

— Когда?

— С кем?

И третий в один голос:

— Почему нам не сказала?!

Светка повертела в руках бутылку.

— Уговорили, всем, так всем, — и налила шампанское и подругам. В этот момент начали бить куранты. Подруги чокнулись, выпили, покричали: «Ура!» Светка открыла дверь и швырнула в стенку напротив пустую бутылку. Звон разбившегося стекла слышался и дальше по коридору. Общежитские традиции соблюдались строго. Переждав бомбардировку бутылками, подруги отправились в танцзал.

Дед Мороз обещание исполнил — шлем снял. Это оказался староста факультета, самый популярный у студенток парень. Заметив Натку, он рванул к девушке через толпу поклонниц. Его опередил какой-то нахальный первокурсник. Светка танцевала тоже с первокурсником. А вот Ирку пригласил блондин. Похоже, он совсем не обиделся. Ирку от себя снова не отпустил, но и уединиться не приглашал.

В танцзал вошли парни из четверста второй. Вид обнимающихся с партнёрами по танцу подруг им жутко не понравился. Первокурсникам хватило толчков и угроз, а вот блондин право на Ирку отстоял. Кулаками, разумеется. Драку прекратили быстро не без участия бывшего Деда Мороза.

Блондин прижал к себе Ирку и заявил:

— Это моя девушка! Мы встречаемся! Все запомнили?

Ирка потыкала пальцем в грудь блондина.

— Я не против, но, может, скажешь, как тебя зовут?

Бывший Дед Мороз, задумчиво смотрел на Натку, словно прикидывал, стоит ли и ему так заявить. Светка ему показала кулак, а Натке прошипела в ухо:

— Не вздумай связаться с этим бабником!

В комнату вернулись около четырёх утра. Счастливая Ирка и озадаченная Натка получили приглашения на свидания. А Светка куда-то смылась. И никто не успел заметить с кем.

Воскресенье, первое января, раннее утро. По студенческим меркам. Фактически два часа дня.

В общежитие вошёл посетитель. Он проследовал мимо спящего на стуле вахтёра, легко поднялся по лестнице на четвёртый этаж, свернул налево и замер перед комнатой 425. Тишина казалась неестественной, а сонное общежитие вымершим. Посетитель вынул из пакета и развернул красную розу на длинном стебле, достал большую коробку конфет, сунул пакет в карман длинного пальто и замер, не решаясь постучать. Так его и застала Светка, возвращавшаяся откуда-то с мужской половины.

— О, Олег Иванович, здравствуйте. Опять с проверкой?

— не сдержала вопрос девушка.

У мужчины дёрнулась щека, но он быстро справился с раздражением.

— Вы ведь из этой комнаты? Позовите, пожалуйста, Наташу.

Светка оценила розу, конфеты, несколько смущённый вид Корнилова, глаза её округлились от изумления, а язык вновь опередил мысли:

— А вы же со студентками не встречаетесь?

Корнилов насмешливо прищурился.

— Мне кажется, или кто-то напрашивается на дополнительный вопрос на экзамене?

— Не, не, вам кажется, — пробормотала Светка, заходя в комнату, — сейчас позову.

Долго ждать не пришлось. Натка появилась в дверях спустя минуты три. Немного сонная и уютная в пушистом халатике, и с заплетёнными в косу волосами. Остатки сна слетели моментально, стоило девушке понять, кто к ней пришёл. Корнилов с удовольствием окинул взглядом Натку, протянул ей розу и конфеты.

— Наташа, это вам. Извините за вчерашнее. Некрасиво вышло с моей стороны.

— А, это... — Натка почувствовала, как начинают гореть щёки. — Ничего страшного.

Корнилов немного помолчал, словно на что-то решаясь.

— Наташа, вы не против сходить со мной на каток?

— Не... не против, — только и смогла выдохнуть потрясённая девушка.

— Вот и хорошо. Завтра я заеду в это же время. До встре-

чи!

Корнилов легко поцеловал Натку в щёку, озорно подмигнул и направился к лестнице.

Шёл первый день нового года. Хлопали двери, общежитие просыпалось, наполняясь звуками и запахами. По лестнице спускался мужчина и задорно по-мальчишески улыбался. А в одной из комнат танцевала вальс девушка, прижимавшая к груди коробку конфет.

Как мы с мамочкой экзамен сдавали

Давно это было. Лет двадцать точно прошло. Из того периода моей жизни чётко помню только день, когда мы с мамочкой сдавали экзамен на военной кафедре медицинского института. А перед экзаменом ещё и лекцию отсидели по общей терапии.

Ну, сидела, собственно говоря, мамочка, а я с комфортом плавал в невесомости в её уютном животике и примерялся, как бы развернуться перед рождением.

Под монотонный голос преподавателя, бубнящий что-то там о сердце, я сладко вздремнул и даже вздрогнул, когда владелец этого голоса обратился к мамуле:

— Студентка с третьего ряда! Вы опять спите с открытыми глазами на моей лекции!

Вот ведь зануда! Сначала половину студентов усыпил, а потом претензии предъявил. И почему мамочке? Она-то хоть с открытыми глазами, а вон в последних рядах явно кто-то похрапывал. Но вредный дядька продолжил к нам придирается:

— Ещё и жуёте, наверное, еда во сне приснилась.

Ну почему же приснилась? Мамулечка меня конфетками подкармливала потихонечку, вот и жевала. Если бы я уже

родился, показал бы тому дядьке, где раки зимуют! Наверное, я сильно тогда разбуянился, потому что мама положила на живот руку и сказала:

— Успокойся, доченька.

А потом, пользуясь тем, что дядька-лектор всё-таки храп услышал и внимание переключил на другой объект, поделилась с подружкой:

— Если бы на УЗИ не сказали, что будет девочка, я уверена бы была – это мальчик, вон как пинается! На всякий случай купила вещи не розовые, а нейтральных цветов: зелёные, жёлтые и без рюшечек.

Молодец, мамулик! Нечего этим узистам бестолковым верить. Хотя, я тоже повредничал – долго в очереди сидеть пришлось, обиделся и спиной повернулся. Будут ещё там всякие рассматривать! А за отсутствие рюшечек – отдельная благодарность. Нам, мальчикам, рюшечки носить не пристало.

Ну, лекция закончилась, и побрели мы на экзамен. Сначала построение было, а вы как думали, военная кафедра. Мы в нём не участвовали, чтобы ровнёнький строй выпирающим животом не портить.

Мамочка билет взяла. Сначала хорошо отвечала, я даже заслушался – о том, как развернуть госпиталь, о сортировке раненых. А потом нам стали вопросы дополнительные задавать по родам войск и званиям. А мы-то на этом месте вчера заснули! И тут я не выдержал: сколько можно над мамой

издеваться! Держись, мамулёк, иду на помощь!

Мамочка схватилась за живот и сказала:

— Ой!

Ух, как все вокруг засуетились! А она между схватками только и сумела сказать:

— Ой, ой, ой...экзамен! Ой, ой, ой...оценка! Ой, ой, ой...зачётка!

На что ей ответили:

— Только не волнуйтесь! У Вас «отлично» в зачётке. Только потерпите, «скорая» уже едет!

До роддома мы доехать успели. А вот на военной кафедре с тех пор беременных как огня бояться стали. На построение не гоняли и в зачётки «отлично», даже ответа не дослушав, ставили, а то, не дай Бог, ещё рожать начнут.

Вот так мы облегчили жизнь на военке всем студенткам, ожидающим малышей.

Правда, мы с мамой молодцы?

Зачётный отпуск

Говорят, утро понедельника добрым не бывает. Поспорю: бывает. Если это — первый день долгожданного, заслуженного, выстраданного отпуска. Можно проспать до полудня, а потом ещё понежиться в постели, щурясь от ярких солнечных лучей. Чем я и занималась. Особое удовольствие доставляла мысль, что вот сейчас большинство знакомых трудится, нетерпеливо поглядывая на часы в ожидании обеденного перерыва.

Накануне я выдержала две настоящие битвы, отвоёвывая личное пространство от посягательств. Мама настаивала, чтобы я срочно занялась ремонтом в своей однушке. Старший брат намеревался подкинуть племяншку. Брату заявила: «Я рада бы, но предки заставляют квартиру в порядок привести. Ребёнок и ремонт понятия не совместимые». А маме: «Саша просил с детёнышем посидеть. Нужно же помочь братику». Приём не очень честный, но, если моим позволить, совсем на голову сядут.

Это ещё Алиски, моей близняшки, в городе нет. Два дня назад укатила с новым парнем к морю. Стоило подумать о сестре, как зазвонил сотовый телефон. «А вот и Алиска», — констатировала, принимая вызов. Близняшка приветствовала всегда пугающей меня фразой: «Леська, я тебя обожаю!» Ответила ей: «Ну, я тебя тоже», — добавив про себя, особен-

но, когда нас разделяет тысяча километров, и ты не можешь втянуть меня в очередные неприятности. Но, как оказалось, сестру я недооценила. И сильно. Раздавшееся из трубки: «Только ты можешь меня спасти!!!» смело всю расслабленность. Я завопила в ответ: «Но как?! И что случилось?»

Оказалось, влюблённая на всю голову Алиска забыла, что пообещала подменить коллегу и принять зачёт у третьекурсников. Моя сестра после окончания Универа подалась в аспирантуру и, в итоге, осталась преподавать на филфаке. О сути просьбы я догадалась сразу, поэтому предложила альтернативу: «Позвони коллеге, извинись, скажи, не сможешь». Раздалось мрачное: «Уже». «Сказала?» «Нет, позволила, почву прозондировать. Она в больнице, после операции. Так что — облом. Леська, а помнишь, как я тебя позапрошлый год от того зануды избавила?» Ещё бы не помнить. Привязался ко мне один тип, и никак не хотел понять, не хочу я с ним встречаться. Алиска вместо меня на свидание сходилла, так после этого он меня из всех контактов удалил и внёс в чёрный список. Вздыхнув, призналась: «Помню, конечно». Алиска оживилась и затараторила: «Леся, да дел всего ничего: посидишь вместо меня, послушаешь с умным видом ответы, в ведомости распишешься. У секретаря возьмёшь. Секретарь — первая комната справа от входа на кафедру, аудитория, где зачёт — третья...» Сестра прервалась, перевести дыхание, удалось вставить реплику: «А ничего, что я не препод, а инженер? А если распознают подме-

ну?» Близняшка фыркнула: «Да нас только родители различают, и то по родинкам на шее. Даже брат путает. Ну и подумаешь, инженер. Ты читать больше меня любишь. А в теме зачёта Мольер, Лопе де Вега. Помнишь, ты фанатела по пьесам? Леська, выручай!!!» Отказать не повернулся язык. «Хорошо, когда зачёт?» «Леська, ты лучшая сестра на свете! Ты супер! А зачёт сегодня в три», — и Алиска нажала отбой. «Как в три?!» — закричала я, но абонент был уже недоступен.

Я вскочила и заметалась по комнате. После умывания и то ли позднего завтрака, то ли раннего обеда, замерла перед распахнутым шкафом и осознала: мне нечего надеть. Нам с сестрой настолько надоели в детстве одинаковые наряды, что, повзрослев, выбрали каждая свой стиль. Алиска — «романтическая барышня», я — «свой парень». Соответственно платья-рюшечки против шортиков-джинсов. И когда доводилось шутки ради меняться местами, снабжали друг друга и шмотками. Хотя, где-то одно платье завалилось. Мама уговорила нас с Алиской на папин юбилей одеться одинаково, порадовать отца. Платье нашлось минут через десять, висело на вешалке в дальнем углу. У, моя прелесть, даже гладить не нужно, не зря столько стоило.

Определившись с одеждой, зашла в электронную библиотеку, глянуть, что там на третьем курсе филфака изучают. Так увлеклась, что чуть не опоздала. Пришлось вызывать такси. Перед выходом критически осмотрела себя в зеркале.

Внешностью нас с Алиской природа и папа с мамой не обидели: средний рост, стройная фигурка, волнистые русые волосы. Лица слегка кукольные, благодаря чему выглядели мы не на свои двадцать пять, а как первокурсницы. Особенно в платьицах! Ничего, один день переживу. Главное не забыть. Я сегодня — девочка-ромашка.

Расплатившись с таксистом и выйдя из машины, я замерла перед первым корпусом. Ну, здравствуй, родной Универ. Целых три года тебя не видела. С тех пор, как диплом получила, и не видела. Что же, знал меня студенткой, принимай теперь преподавателем, пусть и липовым. Вздых вырвался сам собой, как бы не хорохорилась, всё равно страшно-вато. А, была не была, это Алиска пусть переживает. Хотя, могу поспорить, близняшка, свалив на меня проблему, и думать о ней забыла.

Я вошла в здание, поздоровалась с охранником — новенький, при мне здесь не работал, — и легко поднялась на второй этаж. Нужная кафедра располагалась именно там. В конце коридора толпились студенты. Похоже, мои клиенты, вон как в учебники и тетради уткнулись, учат, что не доучили. Ну-ну, самое время.

К секретарю проскользнула никем не замеченной. Женщина средних лет в строгом костюме, мне обрадовалась и вышла из-за стола.

— Ой, Алиса Игоревна, вы сегодня даже не опоздали. Всё готово, билеты разложены. Вот возьмите ведомость и список

вопросов. Пойдёмте, открою вам аудиторию.

— Давайте, я сама, — предложила, оценив замотанный вид секретаря.

— Нет-нет, Алиса Игоревна! Прошлый раз вы ключик заиграли, чуть пара не сорвалась.

Я пожала плечами, взяла ведомость и направилась за сменяющей на высоченных шпильках женщиной. Не понимаю, зачем такое орудие пыток обувать. Или дресс-код тут такой? Алиска тоже каблуки уважает.

Студенты оживились, шумно со мной здороваясь и толпясь у двери. Отметила про себя — группа небольшая. Очень удивилась, обнаружив экзотику: двух парней. Это на традиционно чисто женском факультете. Да, что-то в Универе явно поменялось. Разглядеть никого не удалось. Толпа рванула внутрь, не обращая внимания на шиканье секретаря. Создалось впечатление, народ знает порядок, в каком лежат билеты. А ладно, не моя забота. С невозмутимым видом прошествовала к преподавательскому столу в центре и устроилась за ним. Секретарь, как-то странно на меня глянув, удалилась. Наверное, Алиска ведёт себя по-другому, ух, хоть бы ещё где не проколоться. Хорошо, что я в разведчики не пошла.

Студенты, взяв билеты, разбредались по аудитории. Я глянула в ведомость. Пятнадцать человек, нормально. Следом пробежалась по вопросам. Сплошная драматургия. Шиллер и Шекспир, Лопе де Вега и Бернард Шоу. Странно, мне ка-

залось, должно быть: литература восемнадцатого века, литература девятнадцатого века, а тут все эпохи вперемешку. От размышлений оторвал шелест, кто-то ушлый листал под столом учебник.

Я отложила вопросы и, не спеша, оглядела своих подопечных. Умилилась. Уткнулись в свои листочки, старательно пишут. Вид невинный. Списывать? Да как вы могли такое подумать? Помочь что ли бедолагам? Я достала из сумочки смартфон, глянула на дисплей, поднялась. Сказав в пространство: «Староста, проследите за порядком, я на минутку», должен же в каждой группе быть староста, — вышла за дверь. Краем уха успела услышать оживлённый шепот, шорох и шелест. Старайтесь, детки, старайтесь. Мне нужны хорошие ответы, ведь указать на ваши ошибки, я при всём желании не смогу.

Выждав около десяти минут, я вернулась, медленно-медленно открывая дверь. Молодцы, шпоры и учебники оперативно спрятали. Расположившись за столом, небрежно бросила в сумку смартфон и оглядела аудиторию. Пора разглядеть подопытных, особенно экзотику. Так, студентки обычные, к удивлению, все скромно одеты. Ни одна не рискнула нацепить рваные джинсы, например. Скучно. А вот парни зачётные. Один ну типичный ботан: очки а-ля Гарри Потер, костюм с галстуком — с галстуком, Карл! Отличник, точно. Второй... Да это же ожившая моя мечта, будь я не на месте Алиски, а он на пяток лет старше. Не смазливый красавчик,

не брутальная груда мышц, а всего в меру: спортивности в теле, нарочитой небрежности в одежде, нахальства во взгляде. Во взгляде? А ведь кто-то к зачёту готовиться должен, а не препода глазами раздевать.

— Вы уже готовы отвечать? — задала ему вопрос. Почти моя мечта отрицательно помотал головой и уткнулся в листок. — А кто-нибудь готов?

Готовой оказалась девушка с видом серой мышки и с умным лицом. Отвечала она — заслушаешься. Я и заслушалась. Правда, на втором вопросе не удержалась и включилась в обсуждение пьес Мольера. Особенно «Скупого», которого недавно ставил наш драматический театр. Мы с мышкой, оказавшейся клёвой девчонкой, сошлись во мнении, что минимализм в искусстве годится не для любых спектаклей. Отсутствие декораций — строительные леса посреди сцены не в счёт — и костюмы-рубища из мешковины не сочетаются с Мольером. И даже хорошая игра актёров не спасёт. Нет погружения в эпоху. Мы бы ещё поговорили, но меня насторожила неуместная тишина. Вся группа внимательно нас слушала. Причём вид у студентов был слегка ошалевший. А «почти моя мечта» в открытую что-то искал в планшете. Неужели запись спектакля? Ладно, пусть ищет. Но мне не стоит отвлекаться, если я на каждого отвечающего буду столько времени тратить, мы до конца недели не закончим. Похвалив мышку, с удовольствием расписалась в её зачётке и пригласила следующего.

Типичный ботан оказался совсем не отличником. Я чуть не заснула, пока он выдавливал из себя крупички знаний. Валишь никого не собиралась, поэтому поставила зачёт и ему, но велела в следующий раз готовиться лучше. Как будто мне не всё равно, надо же, как в роль вошла. Главное вовремя выйти, а то буду друзьям и родным нотации читать, засмеют же. Алиске подобное прощают, но я-то ни разу не учитель.

Следующие несколько ответов выслушивала, одобрительно кивая. «Коварство и любовь», «Король Лир», мой любимый «Пигмалион», эх, обсудить бы. Но я стойко подавляла желание поговорить. Сорвалась на «Кукольном доме» Ибсена. Мне не понравился презрительный тон, с которым отвечающая студентка отозвалась о героине. Я даже речь в защиту произнесла. Суть речи состояла в том, что нельзя судить Нору с точки зрения современности, а нужно исходить из реалий того времени. И вновь была остановлена тишиной.

Я ужаснулась: мало того, оставшиеся полгруппы внимательно слушали, так и уже ответившие заглядывали из коридора в приоткрытую дверь. Неужели спалилась? Спокойно, вряд ли. Выгляжу я один в один Алиска, если что, спишут на странности сестры. Почти моя мечта переводил взгляд с меня на планшет и обратно. Как только не окосел, бедненький. Отвечать он явно не рвался. После речи в защиту Норы я вновь взяла себя в руки, и остаток зачёта принимала молча.

Почти моя мечта дождался, пока выйдет последняя студентка, и тоже направился к выходу. Я только открыла рот,

поинтересоваться, куда это он, как студент выглянул в коридор, сказал: «Меня не ждите», прикрыл дверь и развернулся. Походкой ленивого кота он прошествовал к столу и сунул мне под нос зачётку со словами:

— Расписывайтесь.

— С фи́га ли? — Вопрос вырвался у меня прежде, чем я сообразила, что преподаватели так не разговаривают. Исправилась: — На каком основании, ведь я не слышала ещё ваш ответ.

Моя почти мечта улыбнулся.

— На том, что вы не Алиса Игоревна. — Он показал мне планшет с фоткой со странички Алиски. Мы вдвоём. И подпись близняшки: «Мы с Леськой. Я та, у которой родинка на шее справа». — У вас родинка слева.

— Не аргумент, — я ответила со смешком, хотя внутри всё звенело от напряжения. — Мы с сестрой специально всех запутываем, прогоняя дезу.

Шантажист доморощенный улыбнулся ещё шире, полистал планшет и показал ещё несколько фотографий. Я замерла, почувствовав, что куда-то испаряются все слова за исключением нецензурных. На такое способна только Алиска. Додуматься выставить свои фотки на фоне моря с восторженными надписями. Там же дата и время. Сегодняшняя дата.

Наверное, что-то в моём лице изменилось, потому что парень, имя я так и не посмотрела в ведомости, явно испугался. Куда только нахальство делось.

— Олеся, вы не переживайте, это закрытый альбом. А у Алисы Игоревны только я в друзьях, как староста группы. Никто больше фото не увидит, но пусть она лучше удалит. Олеся, не молчите. Хотите, отвечу вам на этот дурацкий билет? Я же просто пошутить хотел.

Я взяла зачётку, молча расписалась в ней и опустила на край стола. Дверь открылась, впуская секретаря.

— Вы ещё здесь, Алиса Игоревна, — сказала секретарь с явным облегчением. — А я уж думала, забыли ведомость отдать, как в прошлый раз. Позвольте напомнить: послезавтра в двенадцать вы принимаете зачёт по старославянскому языку. Когда освободитесь, обязательно зайдите, покажу вам билеты.

Секретарь вышла, а я вдруг поняла, почему такой популярностью пользуется жест «рука-лицо». Издав короткий стон, я уткнулась в ладонь. С той стороны стола слышался шорох. Моя бывшая мечта, оказывается, не ушёл и даже попытался привлечь внимание.

— Олеся, вам плохо?

Ну что ты, обалдеть, как хорошо! Это я подумала, вслух же изрекла:

— Изыди, сатано. Дай растечься мысью по дереву.

Раздался короткий смешок и следом:

— А вы забавная.

Казалось безобидная фраза, но меня взбесила и вывела из ступора. Я вскочила, обогнула стол, схватив парня за грудки,

хорошенько тряхнула и прошипела:

— Слушай сюда, пацанчик! Забавный клоун в цирке. Понял?

Он понял и решительно заткнул мне рот самым надёжным способом. Притянул к себе и поцеловал. Качественно так, крышесносно. Во всяком случае, когда в голове прояснело, я обнаружила себя сидящей на коленях своей мечты, пылко отвечающей на поцелуй и обвивающей крепкую шею обеими руками. И тут мысль о том, как конкретно я подставляю Алиску, если кто-нибудь зайдёт, активировала опцию «Разум». Я отскочила от Моей почти мечты как ошпаренная и опёрлась о стол, переводя дыхание. Парень, интересно, как его зовут, надо в ведомости потом посмотреть, тоже встал и двинулся ко мне. Остановила жестом, взяла его зачётку и вручила со словами:

— Сдал. Поцелуй зачётный. А теперь с вещами на выход.

Кивнула в сторону двери, подхватывая ведомость и сумочку.

— Олеся, мы ещё встретимся?

Интересный, конечно, вопрос.

— Однозначно. Зачёт послезавтра.

— Да я не о том.

А то я не поняла. Улыбнулась и ответила:

— Подумаю до послезавтра.

Моя почти сбывшаяся мечта просиял и скрылся за дверью. А я подалась к секретарю. Занесла ведомость. Просмот-

рела с умным видом билеты, одобрила, зная бы ещё, что одобряю, и только после этого покинула кафедру. Возвращаться сюда послезавтра или вообще когда-нибудь я не собиралась. И меня совершенно не волновало, что Алиска не успеет вернуться к следующему зачёту даже при огромном желании. Пусть выкручивается, как хочет. Пора взрослеть. И ей, и мне.

Я знала, как отрезать себе пути к отступлению, если сердце всё-таки дрогнет. Поэтому направилась в ближайшую парикмахерскую. Надеюсь, короткая стрижка и рыжий цвет мне пойдут. Спустя двадцать минут я вышла из парикмахерской в том же виде, что и вошла. Если бы мастер был свободен, клянусь, я бы осуществила задуманное. Но за время ожидания много чего вспомнилось. И как родители метались в поисках нужных связей, чтобы устроить Алиску в аспирантуру. Как радовались, когда получилось. Вспомнилось, как у мамы частенько прихватывает сердце. А ведь Алиска все свои неприятности всегда вываливает на неё в первую очередь. Близняшка, безголовая, безответственная, но всё-таки сестра. С меня не убудет, поиграю в преподавателя. Но это будет в последний раз. И я ведь так и не узнала имя своей мечты. Тоже повод.

Да уж, отпуск у меня получается во всех смыслах зачётный. За тобой должок, Алиска!

Вдоль да по речке...

Аня.

Каюта показалась уютной. Соседка, назвавшаяся Инной, бросила: «Располагайся», и вышла. Что это за приём на работу такой? Ни инструктажа, ни знакомства с должностными обязанностями. А завтра уже в круиз.

Попробовала открыть иллюминатор, заклинило. Не удивительно. За что не берусь, одинаковый результат: ни туда, ни сюда. Жизнь у меня такая. Не жизнь — акробатка, причём, исключенная из циркового училища за неуспеваемость. Как выкинет кульбит, хоть по кусочкам себя собирай. Может, на этот раз повезёт. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Надо по дереву постучать. Постучала в переборку.

Минуты не прошло, как в каюту ввалился парень со словами:

— Надумала, Иннуська? Так я сей момент! — Парень стал расстёгивать замок на брюках. — О, ты не Иннуська.

Ежу понятно, что нет. И до парня дошло.

— Ты кто? Новенькая?

Кивнула, думая: «Хоть бы ширинку козёл застегнул, вдруг, кто войдёт». В дверь вошла соседка. С воплем:

— Ах ты ж! — она кинулась на меня.

Но я тоже жизнью не зря дрессирована. Сцепились, а парень громко заржал. Зря он это сделал. Пока парень сообра-

зил, что ему лучше смыться, огрѣб хорошо. Я ему засветила фонарь под глаз, а Инка въехала по уху. Обругав нас, он выскочил из каюты.

— Это Валерка, наш моторист, — сказала Инка.

— Твой парень?

— Вот ещё! Клеится ко мне: Иннуска, ты только в переборку стукни, я тут же прилечу, каюты рядышком. А ты чего ржёшь-то?

Я объяснила Инке, что произошло, добавив:

— Зря пострадал твой Валерка.

— Ничего не зря, не будет обзывать. Извини, злая я сегодня. Опять зарплату задерживают. Как хозяин сменился, началось. На всѐм экономят. О ремонте и речи нет. В прошлом рейсе на буксире до порта шли. Это с виду наш дизель красивый, а, по сути — старое корыто.

— А мне хорошие деньги пообещали.

Инка внимательно на меня посмотрела.

— Да получишь, хоть и с задержкой. Анька, беги отсюда. Хозяину лишь бы бабло срубить. Каждый рейс рискуем и собой, и пассажирами. Я рассчитаюсь за ипотеку и тоже уйду. Тебе зачем рисковать?

— Есть зачем.

Я рассказала Инке об очередном кульбите жизни, об Андрее, о повисшем на мне долге.

— Вот же мужики... — начала Инка, но закончить фразу не успела. Снаружи кто-то громко густым басом запел:

— Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывёт.

— Кто у вас такой певец?

— Старпом. Как с женой полагается, на дизеле ночует. Накатит соточку и поёт. Сейчас «Варяг» послушаем, и он на боковую отправится.

С палубы донеслось:

— Раскинулось море широко...

Песня была не та, соседка нахмурилась.

— После этой он в запой уходит. Пойдём, споём с ним «Варяга», может, переключится...

Вячеслав.

Вячеслав Ивлёв пел, наблюдая за чайками. Птицы взяли в привычку появляться, как только старпому приходило на ум спеть. Чайки рассаживались на носу дизеля, подобно зрителям в оперном театре, и не улетали до окончания «концерта». Одна беда — птицам активно не нравилась песня «Раскинулось море широко». Птицы взлетели после: «Товарищ, я вахты не в силах стоять», а следующая строка утонула в их криках.

— Кыш отсюда! — гаркнул старпом.

— Что, от поклонниц отбоя нет? — раздался сзади ехидный вопрос.

— И ты, Инка-язва, кыш! — старпом повернулся, чтобы осадить шеф-повара и замер.

Рядом с Инкой стояла невероятно красивая девушка.

— Откуда ты, прелестное дитя? — пропел Вячеслав.

Оперы старпом тоже уважал.

— Ничего так расклад! — возмутилась Инка. — Я язва, а Анька — прелестное дитя.

— Я сегодня на ваш дизель-электроход устроилась, — ответила девушка.

— Вячеслав Иванович, спой «Варяга», — попросила Инка и, указав на чаек, добавила: — Слушатели на местах.

— Боишься, в запой уйду, а штурман опять на мель нарвётся? — прищурился старпом. — Не бойсь. Настроение сбили.

Вячеслав посмотрел на новенькую, в сознании всплыли слова жены: «Да кому ты кроме меня нужен», и в голове стала зарождаться очень интересная идея.

Аня.

Певца Аня представляла похожим на Фёдора Шаляпина с портрета Кустодиева. Этакого русского богатыря, в накинутой на плечи шубе. Старпом стоял к ним спиной. Мощный торс был обтянут форменной рубашкой с короткими рукавами. Когда старпом повернулся, действительно оказался похож на Шаляпина, ему было никак не больше сорока лет. Под оценивающим взглядом стало слегка неудобно. Хотя, мужское внимание льстило. Особенно после вчерашней пренебрежительной фразы Андрея: «Да кто на тебя посмотрит!» А вон смотрят! И не просто какой-то задохлик, а настоящий

морской волк. Хотя, это не моряки, а речники. Речной волк? Ну, по любому не офисный планктон. Аня впервые подумала об Андрее без розовых очков. Для трезвой оценки любовника понадобились: большой долг, скинутый им на неё, и одобрительный взгляд другого мужчины. Много или мало? Да как посмотреть.

Вячеслав.

Вячеслав не привык откладывать дела в долгий ящик.

— Инна, Аня, мне нужна ваша помощь! — сказал он и изложил свою идею. Помириться с женой, слегка проучив её перед этим — такой была конечная цель. Осталось разработать детали.

— Значит так: мы с Аней заходим в ресторан, недалеко от моего дома. Ты, Инка, звонишь моей и сообщаем: «Ваш муж с другой». Супруга явится на разборки. А я скажу, что провожу инструктаж. Даже если поверит, сомнения останутся, и ночевать в каюте мне не придётся.

— Не прокатит, — резюмировала Инка. — Извини, Вячеслав Иванович, но супруга твоя — дама скандальная, ещё драться на Аньку кинется. Может, я с тобой пойду? Скажем, вопросы по снабжению обсуждали.

— Инна, вот тут точно не прокатит. Она тебя почему-то не любит.

— А чего не любит? Мы с тобой и переспали-то пару раз! — Инка глянула на удивлённо вытаращенные глаза Ани и старпома и засмеялась: — Да, ладно, что, и пошутить нель-

зя? Все знают, что ты своей стерве, то есть, жене верный. Анька, соглашайся. От настроения старпома наша безопасность зависит!

Аня.

Аня сомневалась. Казалось странным: помогать мужчине в таких делах.

— Анечка, соглашайтесь!

Просительное выражение на лице старпома заставило Аню улыбнуться. Богатая фантазия подсунула картинку: Вячеслав, в своей красивой форме, она в маленьком чёрном платье и на шпильках, танцуют танго. В дверях появляется Андрей. Ему позвонила неизвестная девушка — нужно Инке номер дать. Он подбегает, хватает Аню за руку и отлетает от удара в челюсть, нанесённого Вячеславом. Аня перешагивает через поверженного бывшего и гордо удаляется в обнимку со старпомом. Очень заманчивая картинка!

Наверное, что-то отразилось на её лице, потому что Инка сказала:

— Ну, договаривайтесь, а я схожу с Валеркой помирюсь. Жестковато мы его с Анькой прессанули, — и добавила: — Классно смотрите. Может, вам в реале романчик закрутить?

— Вот язва, — сказали одновременно Вячеслав и Аня.

Вячеслав.

Аня уехала домой переодеваться. Инка увязалась с ней. Девушки возвратились на такси вовремя. «Хороши», —

оценил старпом и пропел:

— Ах вы, душечки, красны девицы!

Аня с Инкой переглянулись и рассмеялись. И тут в голове старпома затренькал сигнал тревоги. Что-то было не так. Аня выглядела, как модель, а Инка... вот оно в чём дело! Инка тоже.

— А ты куда вырядилась? — грозно спросил Вячеслав.

— Ой, Вячеслав Иванович, я мышкой в сторонке посижу, пожалуйста!

Вячеслав сдался:

— Если только мышкой.

Он впервые глянул на шеф-повара команды, как на женщину, невольно вспомнилась фривольная Инкина шуточка. Вячеслав, взяв под руки прелестниц, направился в ресторан.

План старпома был не плох, но кто-то там наверху постоянно вносит свои коррективы

За одним из столиков сидела старпомовская жена. Тщедушный, явно штатский, кавалер что-то нашептывал ей на ушко, а она млела, прикрыв глаза. Вячеслав отпустил руки девушек и с криком: «Убью!» рванул к парочке. Жена подбежала к старпому и якорем повисла у него на руке:

— Слава, не бей, я его люблю!

Её избранник понёсся к выходу. Вячеслав, осознав, что не догонит, отпихнул изменницу и опустился на стул за соседним столиком. Сидящий там ВДВ-шник, плеснул коньяк в рюмку и, молча, протянул старпому.

Аня.

Аня не успела опомниться, как Инка подскочила к жене старпома и заявила:

— На меня, значит, грязь лила, а сама-то, шлюха портовая!

— Да что бы ты понимала, подстилка! — не осталась в долгу быстро пришедшая в себя жена Вячеслава. — Все вы бабы на кораблях такие.

Аня возмутилась:

— Какое право вы имеете нас оскорблять?

— А ты, малолетка, пошла вон отсюда! — завопила неверная жена, развернула Аню к выходу и толкнула в спину.

Аня почувствовала, что летит. В полёте её сопровождал Инкин вопль: «Вот тебе за Аньку» и визг старпомовской жены. Приземлившись, Аня чуть не уткнулась носом в чьи-то ботинки. Она подняла голову. Сверху на неё изумлённо смотрел Андрей.

Новая жена Вячеслава.

— Наверх вы, товарищи, все по местам...

Замечательно поёт муж! Заслушаешься. И это не из-за ссоры. Я, в отличие от его бывшей, Славу люблю и уважаю. Просто иногда мы подбрасываем сына бабушке и остаёмся ночевать на дизеле. Мой капитан, Славу повысили в должности, начинает один, а потом мы поём вместе. Скоро Валерка закончит копаться в моторе, уйдёт и — корабль в полном нашем распоряжении. А вот и Валерка, лёгок на помине.

— Инесса Игоревна, я пошёл, Вячеслава Ивановича отвлекать не хочется, скажите, я всё сделал.

Вот что значит статус жены капитана! Инесса Игоревна, а то всё: Инка да Инка. Валерка задаёт вопрос:

— Не знаешь, как там наша Аня?

Почему не знаю, знаю. Не устаёт Анечка наступать на одних и те же грабли. Шишку на лбу залечит, и снова наступает. После скандала в ресторане Аня с Андрюхой вновь сошлись. Она год с нами в рейсы ходила. Долги выплатила. Этот перец настоял, чтобы на берег списалась. Какое-то время они нормально жили. Но некоторых горбатых даже могила не исправит. Опять Андрей на деньги попал. И работает сейчас Анечка аниматором в отеле в Сочи. Мы звали к нам, хозяева у компании сменились, дизель отремонтировали, зарплату подняли. А она упёрлась: стыдно, что своего Андрея содержит. Ребята из команды предлагали гада малость поучить. Ей жалко. Но есть и хорошая новость. Кажется, у подружки намечается новый роман. Но тсс, чтоб не сглазить! Говорю Валерке, что всё нормально. Он кивает и уходит. А вот теперь самое время составить компанию любимому мужу:

— Вдоль да по речке,

Вдоль да по Казанке

Сизый селезень плывёт.

На приёме

Марина влетела в кабинет за пять минут до начала приёма, на ходу застёгивая халат, доставая фонендоскоп с тонометром и одновременно делясь со своей медсестрой наболевшим:

— Прихожу на вызов, смотрю ребёнка, присела рядом на диван и вдруг в комнату заваливает огромный дог и ко мне. А у него морда на уровне моего лица и раза в два шире. А мамочка: «Он у нас не кусается». Ну, их-то он, конечно не кусает! Ладно, я собак не боюсь.

— Ага, не кусаются они, — среагировала медсестра. — Я на прошлой неделе, на прививки приглашать ходила, во двор прошла, записку в двери оставила и назад, а там оказывается овчарка отвязанная бегаёт — всех пускает, никого не выпускает. Минут сорок стояла, пока до соседки не докричалась, та собаку и отогнала.

— Зато теперь никто не скажет, что ты на патронажи не ходишь, — резюмировала врач.

Они работали вместе так долго, что почти сроднились, понимали друг друга с полуслова и, в отсутствии пациентов, обращались друг к другу на «ты» и по имени.

— Ну, всё, Оля, начинаем приём.

Медсестра повернулась к двери и громко, благо голосом бог не обидел, крикнула:

— На приём заходите!

Такой способ общения Марина в шутку называла «селективной связью». Смысл в таком общении был – выигрывалось время на писанину. Документов, которые заполнялись участковой службой, всегда был вагон и маленькая тележка, да и число их с каждым годом продолжало расти.

Когда на приём зашли юная пациентка с мамой, медсестра округлила в притворном ужасе глаза, а врач послала её в ответ взгляд христианской мученицы. Дело в том, что мамочка ребёнка была ярчайшим представителем племени ипохондриков. Вооружившись медицинскими справочниками, она выискивала болезни не только себе, но и своему ребёнку – совершенно здоровой девочке.

По единодушному мнению Ольги и Марины – психушка по этой женщине плакала давно и безутешно. Марина после приветствия и приглашения присесть ласковым и даже немного заискивающим тоном спросила:

— Что у вас случилось, на что жалуетесь?

Такой тон у неё включался автоматически при общении с людьми странными или с прямыми пациентами психоневрологического диспансера.

— Моей дочке очень тяжело просыпаться и вставать по утрам, — прозвучал ответ.

Медсестра подозрительно закашлялась, пытаясь скрыть смехок.

— А в какое время ваша девочка ложится спать? – Ма-

рина обращалась к мамочке, так как наученная опытом общения с этим семейством знала, что девочке вставить слово мать всё равно не даст.

— Ну, в двенадцать ночи, в час, — сказала родительница.

Медсестра вновь закашлялась. Дальше Марина подбирала слова осторожно, словно ступая по минному полю. Скажи, что не так и начнётся ненужный спор или скандал, что совсем некстати, когда полный коридор народа на приём.

— Понимаете, скорее всего, это из-за нарушения режима, но давайте я сейчас хорошенько осмотрю вашу девочку, а Ольга Ивановна пока выпишет направления на анализы и даст талон к гастроэнтерологу, помните, вы в прошлый раз жаловались на отсутствие аппетита.

Пока мамочка отвлеклась на медсестру, девочка укоризненно прошептала:

— Ну, спасибо, так спасибо!

— А что сделаешь? — так же тихо сказала врач и уже громче добавила: — На всё время обследования я дам освобождение от занятий в школе.

Ребёнок повеселел. В сторону медсестры Марина намеренно не смотрела, она и так знала, что взгляд той метает молнии и могла дословно воспроизвести её мысли: «Что ты тут талонами разбрасываешься! Мы с таким трудом их запрашиваем, хроникам не хватает, а тем более к гастроэнтерологу — она то в отпуске, то на больничном». Марина была целиком с ней согласна, но в данном случае она покупала

ла спокойствие, ведь после обследования эта мамочка угомонится месяца на два на три.

Следующих нескольких пациентов приняли в обычном режиме: врач проводила осмотр и делала назначения, медсестра выписывала направления на анализы и писала назначения на листочке, надежды на то, что пациенты и их родители назначения запомнят, не было никакой. Очередные — отец с девочкой зашли с извинениями:

— Мы не ваш участок, примите, пожалуйста, на свой приём мы опоздали.

И снова быстрый обмен взглядами врача с медсестрой, который переводился так: медсестра: «Опять чужих приваживаешь, своих как на демонстрации»; врач: «Ладно, они же очередь отсидели». И вслух:

— Заходите, приму, но повторно пойдёте на свой участок.

Девочка подошла к врачу, папа остался стоять у кушетки. Жалобы были на сыпь на шее, обнаруженную после возвращения ребёнка из профилактория. Марина, осмотрела шею и голову девочки.

— Это – педикулёз, вши, — пояснила она отцу.

Тот потрясённо произнёс:

— Твою мать! — И без сил опустился на кушетку.

Следующие несколько минут медсестра и врач выводили отца девочки из состояния лёгкого шока дружными заверениями, что это не страшно, бывает у многих, что девочка могла заразиться в бассейне или взяв у подружки расчёс-

ку, что волосы подстригать не обязательно и что сейчас есть очень хорошие препараты для выведения вшей. Когда мужчина начал реагировать более-менее адекватно, врач подробно объяснила, что надо делать, а медсестра также подробно всё записала на листок.

— Не переживайте, на эти дни мы справку в школу дадим, она же ещё после профилака не выходила, напишем, что переболела лёгким ОРЗ. Через три дня подойдите ко мне, зайдите без очереди, я только голову посмотрю и справку дам.

Об обещании отправить их на другой участок Марина забыла. Ольга, как ни странно, тоже.

И опять обычный ритм приёма. Когда зашли пятилетняя Настя с мамой, ничего странного Марина не ожидала, но она ошиблась. Когда мамочка сказала: «Можно нам больничный на папу выписать, он в коридоре сидит», ребёнок громко и с обидой произнёс:

— Не хочу, чтобы папа был на больничном. Он меня не лечит, а только лежит на диване и телевизор смотрит!

Бедная мамочка после таких слов покраснела и растерялась так, что Марине стало её жалко. Скрывая улыбку, она обратилась к девочке:

— Я дам твоему папе больничный, но ты ему обязательно скажешь, что врач велела тебя хорошо лечить. Ты ведь у нас взрослая девочка?

Настя довольно кивнула.

Когда зашёл следующий пациент – четырнадцатилетний

подросток, медсестра встретила его возгласом:

— О, тунейдцы пошли!

Подросток не обиделся, он плюхнулся на стул и заявил:

— Сопли у меня.

— Высмаркиваться надо, вот и соплей не будет, — парировала медсестра. Данный подросток был личностью в поликлинике известной — любил симулировать. Марина хотела что-то сказать, но тут её осенило:

— Ты же должен обследование для военкомата пройти! Давай так договоримся: ты полностью обследуешься, сдаёшь анализы, проходишь осмотр у специалистов, а я тебе даю справку в школу.

Довольный подросток с кучей направлений в руках пошёл к двери.

— Постой, а какие жалобы в карточке писать?

— А вы сами что-нибудь придумайте!

Когда мальчишка вышел, Ольга задумчиво сказала:

— Люблю, когда тунейдцы обследуются: они что угодно пройдут, лишь бы в школу не ходить!

Приём продолжался. Когда выписывали очередного школьника, после фразы Марины: «Освободить от физкультуры на две недели», он проникновенно произнёс:

— А можно и от русского освободить?

— Нет, к сожалению, нельзя, — серьёзно ответила Марина и, не выдержав, рассмеялась.

Каждый год находились такие умники, и освободить про-

сили почему-то именно от русского языка.

Дальше подряд осмотрели несколько детсадовцев, заглянула в кабинет регистратор с сообщением, что у них трое новорождённых. Приём подходил к концу. Несмотря на большое количество принятых детей, по мнению Ольги и Марины, приём прошёл спокойно, но, чтобы не сглазить, вслух они эту мысль не озвучили. Не помогло. В кабинет вошла процедурная медсестра.

— Девочки, — от волнения она отбросила всякую субординацию, — там бомжиха с ребёнком пришла, она его четыре дня назад в лесопосадке родила. Вонючка от них жуткая, я их к себе завела, а то в коридоре не продохнуть. Пойдёмте, прямо там посмотрите.

Марина с Ольгой обменялись взглядами.

— Твою мать! — сказали они хором.

Грымза

*«Время убивать, и время врачевать;
время разрушать, и время строить»*

Екклесиаст

В это лето внутренний дворик второго корпуса городской больницы использовался очень активно. Вышел указ о запрете курения в общественных зданиях, поэтому и организовалась спонтанно новая курилка — во дворе: пара вёдер для окурков,

стол и списанная кушетка под деревьями.

На стол Марина и присела, Светка плюхнулась на кушетку напротив. Дежурство выдалось тяжёлое, среда. В этот день недели экстренные больные поступали по «скорой» в их гинекологию со всего города. Но три операции за вечер — это чересчур даже для среды.

Светка достала сигарету из пачки, щёлкнула зажигалкой. Марина не курила, но выходила вместе с подружкой — отдохнуть и узнать последние внутрибольничные новости. Однако сегодня они были во дворике вдвоём: прошёл час после отбоя, больные отдыхали, а у девчонок из хирургии и реанимации тоже была запарка.

— Не боишься, что Грымза застучает? — поинтересовалась Марина у блаженно затянувшейся подружки. При упоминании о заведующей отделением, тоже дежурящей сего-

дня, Светка, поперхнувшись дымом, закашлялась. Пепел от сигареты упал прямо на халат.

— Кто же под руку говорит-то? — Прокашлявшаяся Светка, соскочив с места, стряхивала пепел.

Такая реакция была не случайной. Их заведующая ча-
стенько гоняла своих медсестёр, да и вообще всех женщин,
застуканных в курилке. С периодичностью два-три раза в
день с внутреннего двора раздавалось: «Опять перекур, мать
вашу?! Работы в отделении не хватает? Так я вам быстро
найду!» — это медсёстрам; «Дымишь? А кто позавчера ры-
дал, что ребёнка выносить не удаётся? Не ты? Так и не вы-
носишь, матка от никотина постоянно в тонусе. Лечишь, ле-
чишь — и всё насмарку. Быстро в палату!» — это пациент-
кам.

Марина признавала некоторую справедливость в словах
начальства, но не могла привыкнуть к резкому, порой гру-
бому тону. Грымза в выражениях не стеснялась, могла ска-
зать что угодно и кому угодно. Марина сама слышала, как за-
ведующая заявила женщине терапевту из поликлиники, по-
просившейся на осмотр: «И куда ты такую задницу отрасти-
ла? Скоро в кресле уместаться не будешь». Но когда выяс-
нилось, что у терапевта серьёзные проблемы со здоровьем,
та же Грымза поставила на ноги весь город, чтобы коллега
получила необходимое обследование и лечение.

К заведующей постоянно шли на осмотр «по благу». Она
ругалась, иногда матом, но смотрела всех. Марина тоже при-

водила на консультацию старшую сестру. Хамоватая, бесцеремонная Грымза была прекрасным диагностом и лучшим оперирующим гинекологом города. Она славилась умением стремительно находить верные решения в самых тяжёлых случаях, что спасло жизнь многим больным.

Пациентки посообразительней, пропускали мимо ушей все выпады в свой адрес, считая, что хорошее лечение важнее. Жалоб на недостаточно культурное обращение тоже было много. Главврач пару раз пытался призвать заведующую гинекологией к порядку, но оставил эту затею. По больнице ходили слухи, что Грымза выдала ему: «Тебе нужно, чтобы я классно резала или чтобы реверансы всем подряд отвешивала? Хочешь выговор вкатить, да ради Бога. А мне некогда нотации выслушивать, я работать пошла!»

— Нет, ну ты погляди! — Возглас Светки вывел Марину из задумчивости. Подруга осматривала полу халата и сетовала: — Третий халат за неделю прожигаю. Нужно, когда в стирку отдавать буду, так свернуть, чтобы сестра-хозяйка не заметила, — Светка, подняла голову, быстро швырнула окурок в ведро, понизила голос и возмущённо прошипела: — Накаркала.

Марина повернулась и тоже увидела идущую к ним Грымзу. Машинально отметила, что заведующая, стройная, невысокая, с волосами, забранными в хвостик, лёгкой стремительной походкой, выглядит намного моложе своих лет. «Сейчас начнётся», — мелькнула мысль. Однако начальни-

да повела себя странно. Вместо того чтобы устроить выволочку, села на стол рядом с Мариной и вполне мирно, даже как-то устало, обратилась к Светке:

— Угости сигареткой. Курить хочу — спасу нет. Только не ври, что просто воздухом дышите, вон пачка карман оттопыривает.

Светка с совершенно очумелым видом протянула сигареты и зажигалку. Марина была потрясена не меньше подруги.

— Вы же не курите, — вырвалось у неё.

— Не курю, двадцать лет, как бросила. — Грымза достала сигарету, остальную пачку кинула Светке и щёлкнула зажигалкой. Однако прикуривать не стала, а просто смотрела на огонёк. Рука, всегда так твёрдо удерживающая скальпель, заметно подрагивала.

— У вас что-то случилось? — вновь не удержалась Марина, сама удивляясь собственной смелости.

— А? — Грымза с неохотой оторвала взгляд от зажигалки и решительно закрыла её. — Нет, всё в порядке, даже замечательно. Сейчас заходила в реанимацию прооперированных посмотреть: у девчонки нашей с ювенильным* кровотечением состояние стабилизировалось. Теперь можно уверенно сказать — жить будет. Ещё потреплет нервы окружающим подростковыми заскоками.

— Здорово, — сказала Светка. Марина тоже обрадовалась. Всё отделение переживало за поступившую сегодня в критическом состоянии тринадцатилетнюю девочку. Но что

же тогда с Грымзой? Та, словно почувствовав немой вопрос, усмехнулась:

— Бывают же в жизни совпадения. Ровно двадцать лет назад, день в день, у меня был подобный случай. Рассказать? — Марина и Светка синхронно кивнули, они не узнавали свою начальницу и смотрели на неё как загипнотизированные. — Знаете, как должна проходить интернатура? Только что окончившие институт врачи направляются в больницы, где к ним приставляется опытный коллега, который в течение года обучает всему, что знает сам. Ну, в столицах и сериале «Интерны», возможно, так и есть. А как проходила, да, собственно, и проходит интернатура у нас в городе? Главврачи довольно потирают руки: о, недостающая рабсила, лето, отпуска, врачей катастрофически не хватает. Так что: вперёд и с песней. Какой наставник? Людей нет, так что сами. Дежурства? Да сколько хотите. Конечно одни. Вам что, нянька нужна? Хотели самостоятельности и много практики — получите, распишитесь.

Вот и я начинала так работать. Поначалу радовалась. В первую же неделю уже ассистировала заведующему на операциях, аборт сама делала, чистки при выкидышах и кровотечениях. Останься в областном центре — год бы на операционную издали смотрела. Хвалил меня заведующий и всё больше загружал работой, но я сама довольна была, как на крыльях летала... до первого дежурства.

Проходило оно гладко, даже слишком гладко. Медсестра

со мной дежурила опытная, но суеверная до жути. Лидия Николаевна. Всё на меня косилась и бурчала, что такое затишье не к добру и что-то про «везение» новичков. И добурчалась. В ночь «скорая» привезла тринадцатилетнюю девочку с кровотечением. Я с первого взгляда поняла: тут ни вливанием растворов, ни, даже переливанием крови не обойдёшься, нужна чистка: девчонка была не просто бледная — восково-белая. Сначала назначения сделала, медсестра тут же, в приёмном покое капельницу с сокращающим зарядила, подколола кровоостанавливающее, гормоны. Санитарку за каталкой отправили. Я же тем временем позвонила, вызвала лаборантку.

Только потом начала историю болезни заполнять, да заминка вышла: пациентка — ребёнок, нужно согласие родителей. Они в коридоре перед приёмным ждали. Вышла туда, всё объяснила, да как в стенку лбом вписалась в их слова: «Мы на операцию согласия не даём. Вера запрещает». Сектанты долбаные! Мать как овца блеяла: «Всё в руках Божьих». Не в руках Божьих, говорю, в моих руках жизнь вашей дочки. Сделаю чистку — будет жить. Ещё раз объяснила, как что проходить будет. Тут папаша голос подал: «Не дадим резать. Кому девка нужна будет, порченная-то?» Потом, видимо, опомнился, добавил: «Нельзя веру рушить. Пусть будет, как Господу угодно». Честно скажу, еле удержалась, чтоб по роже сектантской не заехать, чуть не криком спросила: зачем вообще тогда в больницу привезли.

А этот: «На нас и так от властей гонения. Скажут — утомили. Пусть уж лучше упокоится тут, в больнице». Я дар речи потеряла от таких слов. Лидия Николаевна выглянула, быстро сориентировалась: ушла и вернулась с двумя листками бумаги и ручками. «Не соглашаетесь, — говорит, — тогда пишите отказ от оперативного лечения, оба». А я ведь и не подумала тогда, что нужно письменный отказ взять. В голове не укладывалось, как так можно, с собственным ребёнком! Девчонка рыженькая, веснушки озорные, а глаза...

Заведующая встала, отошла на несколько шагов, вернулась, снова села и пробормотала:

— Какого же цвета глаза были?.. Не помню. А вот выражение — как у мучеников святых на иконах. Не как у родителей. У тех вид был блаженно-благостный, словно праздник какой празднуют. Ну, ясно, не они же кровью истекали.

Светка возмутилась:

— Вот гады-то бывают. Пусть ребёнок загнётся, но они веру свою не нарушат.

Марина нетерпеливо заёрзала:

— Неужели так и не согласились?

Заведующая нервно передёрнула плечами и продолжила:

— Написали отказ. Но это без меня. Я к больной направилась. Не стала их больше уговаривать, побоялась — убью сволочей. Лаборантка уже группу крови определила, на общий анализ взяла, хотя и без того ясно было — гемоглобин очень низкий. По закону подлости крови именно этой груп-

пы в запасах больницы не оказалось. И у нас, у всех дежурящих, не совпала. То бы сами сдали, а тут пришлось заказывать на станции переливания — обещали в течение получаса доставить. Но это всё время, время.

Больную на каталке в отделение подняли. И я растерялась. Всё, что могла, сделала, а дальше? Лидия Николаевна подошла с отказами и историей, которую я так в приёмном покое и забыла, посоветовала звонить заведующему. Я в ординаторскую отправилась. Позвонила. Трубку взяли не сразу, ночь. Надо отдать должное, заведующий, хоть и спросонья, но в ситуацию сразу врубился: «Отказ есть письменный — вот и не делай ничего. Жди, сейчас приеду». А когда он там доберётся с противоположного конца города.

Закурила, задумалась: операцию нужно делать срочно. Если сделаю без согласия, и всё пройдёт хорошо, может, хотя и мало вероятно, выкручусь. А если что-то не так? Ведь это крест на всём будущем. Коту под хвост шесть лет учёбы, мечты об ординатуре. Под суд могу попасть. Замечательное начало медицинской карьеры. У мамы сердце больное, как переживёт?

Тут форточка хлопнула, и я словно очнулась. Какая карьера, ординатура, когда рядом умирает девочка, и в моих силах её спасти. Я сделаю операцию. Встала, окончательно решившись. Вышла из ординаторской. И поняла, что опоздала — Лидия Николаевна, всегда такая степенная, бежала ко мне навстречу по коридору...

Рассказчица замолчала. Щёлкнула зажигалкой, повертела в руках сигарету. Но снова не прикурила, а отправила сигарету в ведро. Зажигалку кинула себе на колени. Судорожно вздохнула. Потёрла лоб и заговорила, словно сама с собой, словно не было ни больничного двора, ни отделения, ни заморожено слушающих Марины и Светки:

— Странно, вспоминается не то, как с вызванным реаниматором что-то делать пытались. Другое... когда в морг тело увозили на каталке, из-под простыни прядка рыжая выбилась. Как увидела эту прядку — в глазах потемнело. Дальше не помню. Очнулась. Заведующий около меня суетится, приехал. Лидия Николаевна охает: «Слава тебе, Господи, пришла в себя. Я уж думала сейчас третьей тут лягу» ...

Потом были разбирательство, скандал, летальная комиссия. Как пережила? По косточкам разложили, полным ничтожеством себя ощутила. И после всего вывод: поступила правильно, интерн, не должна была одна дежурить, не имела права без согласия оперировать. Заведующему выговор вкаптили. А со мной — всё правильно. К чертям собачьим такую правильность! Я убеждала родителей, советовалась с заведующим, курила — и всё это время из ребёнка вместе с кровью вытекала жизнь: капля за каплей, капля за каплей...

На пачках сигаретных написано: «Курение убивает». Та моя сигарета действительно убила, да только не меня, — заведующая тряхнула головой, возвращаясь в реальность. — Вот такая история. И не верь после этого в теорию парных

случаев.

— Но ведь сегодня всё обошлось, операция успешно прошла, родители... — Марина осеклась, заметив странное выражение на лице начальницы. Её осенило: — Неужели и на этот раз не было согласия?

Заведующая загадочно улыбнулась, легко соскочила со стола и наклонилась поднять упавшую с колен зажигалку.

— Смотри-ка, кто-то книжку потерял, — она распрямилась, кинула зажигалку Светке и отряхнула от пыли небольшую книжицу. — Сборник Цитат. Недавно меня дочки научили гадать по книгам — берёшь первую попавшуюся, открываешь наобум и читаешь, что взгляд выхватит. Чушь, конечно, полная, но попробуем, — заведующая раскрыла сборник и прочла: — «Забудьте ошибки. Забудьте неудачу. Забудьте всё, кроме того, что вы собираетесь делать сейчас и делайте. Сегодня ваш счастливый день» *... Ты смотри, в точку.

Она опустила книгу на стол и хотела ещё что-то сказать, но в это время во дворик осторожно, придерживая бандаж на животе, вышла одна из пациенток.

— Это ещё что за явление Христа народу? Петрова, твою мать! Ты где сейчас должна быть? Тебе кто вставать разрешал? — заведующая стремительно двинулась к нарушительнице режима.

— Я... это... поку... воздухом подышать, — пролепетала Петрова, неуклюже пряча за спину руку с пачкой сигарет.

— Знаю я ваш воздух: никотин-о-два называется. Пачку сюда, и немедленно в смотровую! Не дай Бог — швы разошлись! — Врач и больная скрылись в здании.

— Капец Петровой, — фыркнула Светка.

— Да ладно тебе, — заступилась за начальницу Марина. — Наша только шумит, ещё никого за нарушение режима не выписали. А ведь она про отказ не сказала, чтобы в случае чего ответственность только на себя взять.

— Это она — молодец! Стерва, конечно, редкая, но своих не подставляет и не сдаёт.

— Наверное, теперь я не смогу её Грымзой называть.

— Вот обругает пару раз, ещё как сможешь, — заверила Светка.

Послышался приближающийся вой сирены. «Скорая» везла новую больную...

Ювенильными* или пубертатными кровотечениями в гинекологии принято называть маточные кровотечения, представляющие собой нарушение менструального цикла у девочек-подростков в возрасте 12—18 лет. Это одна из наиболее сложных патологий периода полового созревания у девочки.

«Забудьте ошибки. Забудьте неудачу. Забудьте всё, кроме того, что вы собираетесь делать сейчас и делайте. Сегодня ваш счастливый день» * — Уилл Дюран.

Колыбельная за стеной

Вновь, память, надо мной ты верх взяла,

И прошлое нахлынуло волной.

Теперь хоть душу выжигай дотла,

Вот только... колыбельную не пой.

Олег с трудом приоткрыл глаза. Темно. Сон вязкий, тяжёлый медленно отступал, забирая с собой опьянение и оставляя головную

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.